

Мать и дочь: четыре истории

Мать и дочь: четыре истории

Out of Egypt, chapter 5

переводила Солнышко

Прошло совсем немного времени с тех пор, как я начала участвовать в служении для экс-геев, и я обнаружила, что практически каждый разговор с женщинами включает в себя обсуждение «материнского вопроса». Разговор о мамах вызывает различную эмоциональную реакцию у женщин в зависимости от их жизненного опыта. В этой главе мы познакомимся с историями четырех женщин: Элинор, Синди, Луис и Алисон.

У каждой из них был свой вариант взаимоотношений «мать-дочь», хотя некоторые мамы были сходны между собой. Возможно, читая эти истории, вы испытаете смешанные или болезненные эмоции. Может быть, вы почувствуете тяжесть на сердце или печаль. Возможно, острую боль или гнев. Или, вероятно, вы ничего особенного не почувствуете. Все эти реакции закономерны. Прервите чтение ненадолго и скажите Богу, что вы согласны, чтобы на поверхность вышли те чувства, к исцелению которых Он, возможно, хотел бы приступить именно сейчас.

РАВНОДУШНАЯ МАТЬ: ИСТОРИЯ ЭЛИНОР

Не «холодная» и не «горячая», мать Элинор была равнодушна по отношению к своей дочери, в противоречие с духовным принципом: «Забудет ли женщина грудное дитя свое?..» (см. Исаия 49:15)

Элинор подрастала, и ее кажущееся равнодушие по отношению к матери на самом деле было тонким покровом, скрывающим невысказанный гнев, который Элинор испытывала по поводу их поверхностных и пустых взаимоотношений. Вместо построения близких отношений «мать-дочь», они скорее чем-то напоминали боксеров на ринге, пританцовывающих и примеряющихся друг другу, при этом ни один из участников не намеревается в конце концов нанести первый удар и пойти на сближение.

«Я очень рано уловила чувство изоляции, исходившее от мамы. Я не могу припомнить какого-либо особенного события, которое привело к возникновению этой эмоциональной дистанции. Скорее, это была неспособность открыто общаться друг с другом, что, в свою очередь, усиливало ощущение разделения. Пока я росла, я проводила больше времени просто наблюдая за моей мамой, не «соединяясь» с ней эмоционально. Я знаю, мне полагалось чувствовать что-то по отношению к этой женщине, которая стирала и гладила мою одежду, кормила меня и снабжала меня деньгами на мелкие расходы. Но я ничего не чувствовала. Иногда я пыталась выдать из себя подобающее чувство, но не могла. Мои эмоции как будто «онемели».

И тем не менее чувствовалась эта необъяснимая потребность в связи между нами. Даже когда я выросла и покинула дом «физически», я знала, что эмоционально я «не ушла». Расстояние между нами акцентировало эмоции, которые я ощущала и прежде, но не могла как следует идентифицировать.

У нас с мамой была договоренность, что мы будем созваниваться каждый вторник ровно в семь часов вечера. Я всегда ожидала этого звонка, мечтая, что мы будем обмениваться мыслями, говорить о наших чувствах и желаниях. Но этого никогда не происходило. Когда я слышала ее голос на другом конце провода, меня словно «замораживало». Я хотела бы сказать что-нибудь вроде «я люблю тебя», но слова застревали у меня в горле.

И мы болтали... Каждый раз это был один и тот же сценарий, только никому не было смешно. Она рассказывала мне о собаке, о соседях, о том, что она видела по телевизору – и об отце. Порядок никогда не менялся. Она никогда не спрашивала обо мне. Разговор был строго односторонним. Мне кажется, я тоже не особенно стремилась чем-либо делиться. Да, я попробовала пару раз, но она как будто не слышала, что я говорила. Как будто часть меня, все, что не на поверхности, просто не существовала.

Потом, когда она клала трубку, я начинала злиться. Я никак не могла понять, почему у нас никогда не было «настоящего» разговора. Это всегда выглядело так, как будто мы «выступали перед» друг другом, а не «разговаривали с» друг другом. Каждый раз я давала себе слово, что не дам этому влиять на меня. Я просто буду жить так, как живу, и притворюсь, что этого звонка не было.

Затем приходил очередной вторник. И все повторялось снова. «Сегодня будет по-другому, - надеялась я про себя. - Сегодня будет по-настоящему.» Но этого так и не случилось.

Мне бы хотелось, чтобы мои чувства по отношению к маме и нашим отношениям изменились. Я знала, что, будучи христианкой, я могу попробовать изменить это. Но я ощущала страх и беспомощность. Я боялась потерять даже эти незначительные отношения. Если я «нарушу спокойствие», не потеряю ли я все? По крайней мере, эти вторничные разговоры были предсказуемыми. Конечно, это нельзя было назвать полноценными отношениями, но все же это было лучше чем ничего.

Кроме страха, меня преследовало еще и ощущение, как будто меня раскачивает на эмоциональном «маятнике». Прежнее безразличие давно уже уступило место бурному потоку противоречивых чувств. Были дни, когда я чувствовала по отношению к матери сильную любовь, а потом наступали дни, когда я также сильно ее ненавидела. Иногда я просто не могла понять, чего же я хочу от нее – или от себя. Я была в полном смятении...

Зачем мне понадобились эти отношения именно сейчас? Этот вопрос смущал меня больше всего. Кажущееся безразличие, которое я испытывала, будучи ребенком, постепенно сменилось растущей потребностью в эмоциональной близости с ней.

Я думала, что став христианкой, избавлюсь от этих желаний. Я довольно ловко научилась подавлять свои потребности в заботе, любви, принятии и поддержке. Ведь Бог обещал позаботиться обо всех моих нуждах, не так ли? и если я до сих пор испытываю эти эмоциональные потребности, значит, я не такая уж хорошая христианка.

Теперь-то я понимаю, что именно было неверно в таком образе мыслей. Мои эмоциональные раны нуждались в исцелении, прежде чем я стала способна воспринять заботу, любовь и защиту, которую Бог предлагал мне. Я должна была избавиться от стен самодостаточности, контроля и гордости, чтобы Иисус мог войти. И это было страшно! Мне нужно было принять важное решение: хочу ли я просто выглядеть исцеленной, или получить исцеление? Я выбрала второе.

Как же мое решение «впустить» Бога в свою жизнь отразилось на моих отношениях с мамой? Во-первых, я поняла, что мне необходимо установить некоторые границы в моей собственной жизни, а также принять на себя инициативу в наших отношениях. Следующим моим шагом стало составление списка всего того, что я хотела сказать маме, а затем я сама должна была позвонить ей. Это давало мне свободу сказать то, что я хотела, и выразить самой свои чувства, а не ожидать, пока она признает их существование.

К пяти вечера в следующий вторник мой список был готов. Я решила, что пора сказать ей, как зовут тех, с кем я живу, описать мой дом и соседей. Я хотела также рассказать немного больше о своей работе, и о том, как я ей довольна. Мне также хотелось поговорить о том, как важно для меня христианство. И еще я хотела рассказать о том, как я себя чувствую сейчас, когда моя лучшая подруга переехала в другой город. Наш первый разговор не увенчался особым успехом, но мне все же удалось рассказать об одном из пунктов списка. Я поняла, что мои ожидания были несколько завышены. Но я чувствовала удовлетворение от того, что позволила Богу дать мне смелости самой сделать этот звонок.

Мои отношения с мамой до сих пор далеки от идеальных. Она до сих пор не знает моих чувств по отношению к ней. Но я слушаю Бога гораздо больше, чем раньше. Я знаю, что Он будет продолжать работать в моих отношениях с мамой.

МАНИПУЛИРУЮЩАЯ МАТЬ: ИСТОРИЯ СИНДИ

Гнев Синди на мать до момента ее смерти был скрыт от посторонних глаз. Однако она осуждала свою мать и действовала соответственно. Их отношения были основаны на взаимном недоверии, что делало надежды на сближение весьма призрачными.

Как-то раз – мне было всего четыре года – нескончаемые поддразнивания моего дедушки глубоко задели мои чувства, и я расплакалась. Мой отец, не зная, что делать в такой ситуации, отвел меня в спальню и сказал, чтобы я оставалась там, пока не успокоюсь.

Я чувствовала обиду и непонимание – меня как будто бы наказывали за то, что я сделала что-то не так. Моя мать полностью поддержала поступок папы. Она ничего не сказала мне, когда я вновь спустилась вниз, и только кивнула в знак одобрения, заметив, что я послушалась отца.

Для мамы это была типичная реакция. Она никогда не защищала меня от отца, от его нечувствительности по отношению ко мне. Скорее она предпочитала предупреждать меня или учить, как нужно действовать, чтобы угодить ему. И начиная с этого инцидента, я стала учиться защищать свои чувства. Я поклялась больше никогда не показывать маме и отцу свое эмоциональное «я», и это решение, конечно, создало между нами стену. Так начался долгий путь к взаимному недоверию между мной и моими родителями.

Когда я стала подростком, это недоверие начало приносить свои плоды. К тому времени мое отношение к матери можно было охарактеризовать примерно так: У нее нет собственного мнения. Она страшно боится отца и во всем ему подчиняется. Она скорее будет лгать и пытаться манипулировать им, чем пойдет на открытое столкновение. Кое-что из этого было правдой. Отец мог уйти из дома на несколько дней, если ссора была слишком шумной. И я уверена – мама боялась, что он может не вернуться.

Прямое, открытое общение с родителями было не для меня. Я жила двойной жизнью, играла сразу несколько ролей: одну дома, будучи неискренне покладистой, другую в школе – «сверх»успешной ученицы, еще одну в свободное время, пытаюсь обрести смысл жизни, любовь и принятие. Постепенно я все больше и больше скрывала свои чувства, иногда даже заглушая их алкоголем, чтобы просто как-то выжить в этом мире. А затем, на третьем году колледжа, я встретила женщину, которая – казалось – подарила мне безусловную любовь. Это было именно то, что я искала в течение многих лет. Прошло не так уж много времени, и наши отношения перестали быть платоническими. Мы жили вместе около пяти лет.

Я никогда не рассказывала маме о своей гомосексуальной привязанности, и даже не подозревала, что она знает о моем секрете. Но несколько лет назад мы говорили с сестрой, и

она рассказала, что однажды мама предупредила ее, что от меня нужно держаться подальше, потому что я живу со своей соседкой по квартире «как мужчина с женщиной». Я была ошеломлена этим открытием.

Моя мама умерла несколько лет спустя после того, как я стала христианкой. Хотя я и оставила прежний образ жизни, я никогда не прорабатывала «материнский вопрос». Я была слишком занята, пытаюсь понять, как жить «по-христиански». Когда мама умерла, я все еще винила отца – не мать – в том, как сложилась моя жизнь. Первый анализ «материнского вопроса» произошел лишь несколько лет спустя.

После того, как моя мама умерла, я мысленно и эмоционально как бы поместила ее под надежную охрану – я уже больше не могла обвинять ее в своих проблемах, и что бы она не сделала, вопрос был исчерпан. Кроме того, я подумала, что неправильно будет обвинять умерших – в конце концов, она даже не сможет защитить себя.

Через несколько лет после смерти мамы я обратилась к услугам христианского психотерапевта. В процессе лечения я осознала, что вознесла свою мать на пьедестал. Своему консультанту я нарисовала образ совершенной матери и описала наши отношения как совершенные, но несколько сдержанные. Когда консультант указал мне на это, я поняла, что просто обманываю себя. И с этого момента я начала более честно смотреть на свои отношения с мамой.

Постепенно эмоции, которые я подавляла в течение долгого времени, стали выходить на поверхность, и я наконец-то смогла выразить свой гнев. Я была зла на маму из-за отца. Меня возмущало, что она защищала его за мой счет. Я отчетливо помню, как она лгала мне, чтобы избежать стычки с отцом. В каком-то смысле я приняла на себя ее «надломленность», которую она передала мне. Я видела ее крайнюю зависимость (от отца), скрытую под маской манипулирования, и меня приводило в негодование то, что она ни во что не ставила мои чувства, лишь бы «сохранить мир». Она больше всего боялась потерять отца, и поэтому шла на любые жертвы, чтобы удержать его.

Поскольку я не могла кричать на женщину, которая уже умерла, я села за руль и поехала за город, что-то бормоча про себя и жалуясь в никуда по дороге. Вернувшись, я с яростью набросилась на подушку, крича от гнева и разочарования.

Переломный момент наступил, когда я постепенно начала понимать ее собственную надломленность и сокрушенность и те проблемы в семье, с которыми она столкнулась. Этот новый взгляд на вещи помог мне понять некоторые из ее поступков, что, в свою очередь, привело к чувству сострадания. Чтобы простить ее и принести исцеление в наши с мамой отношения, я прибегла к помощи молитвы.

Во время молитвы вместе с женщиной – консультантом по молитве я представила маму сидящей в гостиной. Хотя она уже была тяжело больна, она подозвала меня посидеть с ней. Она просто хотела, чтобы я была рядом, чтобы ее рука была в моей руке. Она сказала «я люблю тебя, дорогая», и я ответила «я люблю тебя, мама». Некоторое время я просто наслаждалась этим моментом, но я знала, что пришло время рассказать ей обо всем том, что я всегда боялась сказать. Я начала с хороших новостей. Хотя я и была лесбиянкой раньше, сейчас я уже с этим покончила. По ее реакции можно было сказать, что она уже знала об этом в течение некоторого времени. Я сказала, что Христос настолько изменил меня, что в моей жизни уже никогда не будет подобного рода отношений с женщиной. Она сказала, что знает и что гордится мной. Она подтвердила, что любила бы меня вне зависимости от того, какой путь я выберу, но она была рада, что я изменилась.

Ободренная началом, я сказала ей, что она обижала меня и вспомнила случаи, когда я чувствовала себя преданной или брошенной. Она ответила «Дорогая моя, мне очень жаль, пожалуйста, прости меня». Мы вдвоем расплакались, моя голова лежала у нее на груди, и я дала волю слезам. (В реальности в этот момент я обняла женщину, с которой мы молились вместе).

Через некоторое время слезы утихли, и я сказала, что знаю, что я не давала ей достаточно шансов для примирения. Я слишком рано отвергла ее, и я прошу за это прощения. Снова были слезы и объятия... В конце этой встречи мама сказала, что ей пора идти и что я должна отпустить ее. Мне очень не хотелось, но я сказала «хорошо».

Когда мы закончили молиться, я обнаружила, что израсходовала целую коробку салфеток... Но впервые в жизни у меня было чувство, что Иисус действительно имеет власть и над нашими с мамой отношениями. Мною больше не владел гнев по отношению к маме. Я словно бы передала ее Иисусу... И в то же самое время я очень сильно ощущала Его присутствие рядом, несущее утешение. И еще было ощущение близости между мной и моей мамой, которого никогда раньше не было.

МАТЬ - «МОЯ ЛУЧШАЯ ПОДРУГА»: ИСТОРИЯ ЛУИС

Луис, моя соседка по комнате на одной из конференций, сделала шокирующее заявление: «Знаешь, Жанет, теперь я понимаю, что я была для мамы лучшей подругой». Для меня это стало полным сюрпризом – я никогда раньше такого не слышала! Но с тех пор, как я начала участвовать в служении девушкам – экс-лесби, я встретила и других женщин, бывших лучшими подругами со своими матерями.

Однако отношения Луис с матерью привели к одной значительной проблеме. Постепенно Луис стала «приспособлением» для своей матери – она позволила нуждам мамы контролировать их взаимоотношения. Таким образом, Луис защищала и заботилась как раз о той, которая должна была бы защищать и заботиться о самой Луис. Эта перестановка ролей привела к задержке эмоционального возрастания как у Луис, так и у ее мамы.

Я часто приходила на собрания домашней группы, но мне трудно было найти общий язык со всеми этими женщинами, которые как будто бы связывали все самое негативное с собственными матерями. Мне казалось, что это несколько упрощенный и несправедливый взгляд на вещи.

Надо мной смеялись, когда я говорила, что у меня нет «проблем с матерью». Но я действительно имела это в виду. Да и откуда им быть? Мы с мамой были лучшими подругами.

Люди часто принимали нас за сестер. У нее от меня не было никаких секретов. Впервые я удостоилась ее доверия, когда они с отцом разошлись. Она тихонько пробиралась вечером в мою спальню и изливала мне свое сердце. Я не знаю, чем может помочь в такой ситуации десятилетняя девочка, но было приятно иметь возможность хоть как-то помочь маме. Она нуждалась во мне, и я очень ценила это особое время, которое мы проводили вместе.

Поэтому мое лесбийское влечение меня озадачивало. Мой случай не укладывался в «классическую» модель «негативных» отношений матери и дочери.

Тогда я попросила Бога дать мне понять, оказала ли эта особая дружба какое-либо влияние на формирование влечения, и если да, то принести исцеление. Бог верен. Он показал мне, в чем состоит мой «материнский вопрос», наведя меня на мысль составить список моих прежних любовниц. И тогда я увидела то, чего не замечала раньше – все пять были как минимум лет на

пятнадцать старше меня. Все они принадлежали к тому же поколению, что и моя мама!

После этого, где-то через неделю после составления списка, однажды вечером я молилась. И во время молитвы Бог напомнил мне об одном случае, произошедшем, когда мне было 11 лет.

Мои друзья зашли за мной, чтобы покататься на роликах. Я уже поцеловала маму на прощание, когда она откинулась на кушетке и чуть слышно жалобно простонала. «Не уходи, дорогая, - прошептала она. - Мамочка нуждается в тебе.»

Я взглянула на моих друзей, в нетерпении топтавшихся возле двери. «Но, мама...» - начала я, пытаясь высвободить руку. Бесполезно. Она смотрела на меня своими печальными глазами, и я поняла, что сегодня роликов не будет.

Вслед за этим Бог напомнил мне и другие случаи из моего детства: день рождения, на который я не смогла пойти; разочарование от пропущенного летнего лагеря; коктейль-пати, которое мне пришлось посетить в двенадцать лет; а также те несколько раз, когда мне приходилось утешать маму, застав ее плачущей в ванной.

И тут я почувствовала, как внутри у меня все напряглось от потока воспоминаний. Я сжала кулаки и застыла... Впервые в жизни я почувствовала гнев по отношению к своей матери. «Мое детство закончилось вместе с ее разводом. Из-за нее я потеряла всех своих друзей. А где она была, когда я нуждалась в ней? Мне нужна была мать, а не подруга!»

Шестнадцать лет гнева и обид внезапно вышли на свет этой ночью, когда я наконец осознала положение, в котором находилась. Я плакала о ребенке, которому неожиданно пришлось повзрослеть. Я плакала о двенадцатилетней девочке, от которой постепенно уходили друзья, пока она наконец не осталась одна. В ходе дальнейшего консультирования я поняла, насколько мне не хватало заботы и чувства защищенности - того, что должна была мне дать моя мама. Я не только была обделена заботой - я еще и приняла на себя роль защитницы и «кормилицы» моей мамы, когда мои родители развелись.

После этого не составляло труда объяснить тенденцию выбора моих партнерш. Играл значение не только возраст - я еще и ожидала от них заботы и чувства защищенности. И, естественно, я принимала на себя роль «ребенка» в наших отношениях. Возможно, таким образом, я пыталась наверстать упущенное в детстве. К счастью, я смогла правильно передать это чувство потери в откровенном разговоре с мамой. Ей было ужасно стыдно вначале, но Бог действительно помог ей принять это. Я простила ее за то, что она навязала мне роль «заботливой родительницы» и попросила у нее прощения за то, что не давала ей выйти из роли «ребенка».

Потом было время совместных сожалений о том, что должно было быть. Но через откровенное общение мы постепенно смогли построить новые прочные отношения, которые радуют нас обеих.

МАТЬ, ПОГЛОЩЕННАЯ СОБОЙ: ИСТОРИЯ АЛИСОН

Многие становящиеся матерями женщины еще совсем молоды физически и/или эмоционально, и так или иначе сами во многом нуждаются. Таким образом, они не способны полноценно ухаживать за своими детьми - им самим нужно, чтобы за ними ухаживали.

Алисон росла, испытывая потребности, которые ее мать-алкоголик не могла удовлетворить. Позже, сама «захлопнув дверь» перед всем, что мать еще могла ей предложить, Алисон закрыла путь к развитию дальнейших взаимоотношений.

Возвращаясь домой после интенсивного семинара по внутреннему исцелению, я вспомнила о том, что сказала Линн Пэйн (Leanne Payne) в своем выступлении. «Если вы не можете воспроизвести какие-либо события из вашего детства, которые вы попросили Иисуса вам напомнить для дальнейшего исцеления, возможно, воспоминания не возвращаются из-за какой-то глубокой скорби или обиды. Нужно обязательно разобраться с первопричиной этой скорби, прежде чем процесс исцеления сможет продолжиться.»

В течение семинара я не видела никаких картин из своего детства. Сначала я думала, что это гордость не позволяет им проявиться, но теперь я задумалась, не является ли скорбь или обида причиной этого. Я припарковалась у обочины и выключила двигатель. Потом я глубоко вздохнула и вслух проговорила: «Господи, я не хочу, чтобы эта печаль продолжала пригибать меня к земле. Мне не верится, что причиной этому печаль, но это очень похоже на то, как Ты меня обычно ведешь, поэтому пожалуйста помоги мне понять».

Немедленно я почувствовала глубокую грусть по отношению к моему отцу. Хотя я думала, что полностью его простила, мне стали вспоминаться конкретные случаи из прошлого, которые процесс исцеления еще не затронул. Я покаялась в своем непощении по отношению к нему. Я также попросила Господа исцелить мою прежнюю реакцию на старые обиды. Однако в душе я ощущала лишь небольшое облегчение. Наверное, будет что-то еще, подумала я.

Тогда я начала думать о своей маме. К моему удивлению, чувство боли и скорби обострилось. Мне очень хотелось закончить все это и вернуться к безопасному комфортабельному состоянию, но я продолжала. Чем больше я исповедовала прощение по отношению к маме (и себе), тем сильнее я плакала, пока плач не перешел в рыдания. Я молила Бога помочь мне вновь обрести контроль над своими эмоциями. Но пробуждались какие-то глубоко загнанные внутрь чувства, и не было никакой надежды на то, что контроль над эмоциями скоро восстановится.

Сквозь слезы я продолжала: «Мама, я прощаю тебя за то, что ты никогда не была такой, какой мне хотелось бы тебя видеть. Я прощаю тебя за то, что алкоголь поглотил всю твою жизнь и ты вряд ли замечала что-то еще вокруг. Я прощаю тебя за то... за то, что ты никогда не обнимала меня с любовью».

Меня поразили слова, которые только что сорвались с моих уст. Я сидела молча, пока до моего сознания доходил смысл сказанного. Потом вновь хлынули слезы. Так вот это что, Иисус? Вот в чем причина печали. Моя мать никогда не обнимала меня.

Да, она никогда не заботилась обо мне – по крайней мере, так я это видела. Теперь наконец все стало понятно! Вот почему в конце концов я пришла к лесбиянству. Я постоянно искала в других женщинах возможность удовлетворить свою потребность в материнской любви.

Еще одна мысль вновь поразила меня. Я сама отвергала всякую заботу, которую мама, может быть, и пыталась высказать, потому что я боялась, что за этим последует отвержение. Да, она пыталась, но я ничего не принимала, потому что я уже тогда восстала против нее. Неудивительно, что лесбиянство оказалось разочаровывающе безнадежным образом жизни, подумала я. Оно было построено на отвержении и сопротивлении.

Я продолжала сидеть в молчании, пока Господь окружал мою душу Своим миром, утешением и любовью. Какое поразительное облегчение я испытывала! Я столько времени несла этот груз печали, что почти перестала его замечать. Радость наполняла меня от того, что я наконец действительно простила маме недостаток любви ко мне и простила себя за отдаление от нее и за сопротивление всем ее попыткам позаботиться обо мне. А Господь, казалось, говорил мне:

«Это только начало, Алисон». Наконец я поняла, что лежало в основе наших натянутых отношений с мамой. И я знала, что Он покажет мне, какой должен быть следующий шаг, чтобы исправить положение. Его ответ был простым: «Молись». Бог знал, что я не могла просто побежать домой и рассказать ей все, что произошло сегодня – она бы не поняла. Поэтому я помолилась и попросила Его создать благоприятную возможность для того, чтобы исцеление наших отношений могло начаться.

В течение наших нескольких последующих встреч с мамой я заметила, что мои чувства по отношению к ней изменились. Я чувствовала, что это начало обновления наших взаимоотношений, но ничего особенного не происходило. Каждый раз, когда я шла к ней, я просила, чтобы Господь использовал меня, чтобы проявить Свою любовь так, как это Ему угодно. И еще я просила Его помощи в разрушении возводимых мною барьеров в отношениях, а также в избавлении от ненужных ожиданий, которые я возлагала на свою маму.

Где-то через месяц после того дня в машине мне позвонили – мама и папа пригласили меня посмотреть вместе фильм Иисус из Назарета, который показывали по телевизору. Они поддразнивали меня, говоря, что я, наверное, смогу растолковать им эту историю, но также сказали, что было бы очень здорово собраться всей семьей вместе на Пасху. Я согласилась.

Мы тихо сидели в ожидании заключительных эпизодов фильма. Иисус вот-вот должен был умереть на кресте. И тогда, безо всякого к тому повода с моей стороны, мама посмотрела на меня и сказала: «Алисон, а почему ты не подойдешь и не сядешь рядом со мной?» Я не могла поверить своим ушам! Оправившись от минутного изумления, я тут же воспользовалась предоставившейся возможностью. Я свернулась калачиком на софе и положила голову ей на колени, как ребенок, а моя мама нежно гладила меня по волосам, и мы смотрели на то как Иисуса, Целителя, распинали.

Я посмотрела на нее и сказала: «Да, давно мы этого не делали», хотя про себя я думала «Мы никогда этого раньше не делали». «Я знаю, - прошептала она. – А ведь это так здорово... нам надо бы делать это почаще»

Это все, что мне было нужно. По моему лицу тихо текли слезы, пока я думала о том, как благ мой Господь. Потом я снова повернулась к экрану и посмотрела эпизод, где Иисус умирает. Какой это был удивительный момент для рождения отношений любви между матерью и дочерью, отношений, которые для этого создал Бог.

Мама посмотрела на меня. «Ты плачешь, потому что Иисуса распяли?»

«Да, - ответила я. – И еще потому что я люблю тебя, мама».

Она нежно улыбнулась. «И я тоже тебя люблю».